

ражаться непосредственная, внешняя сторона действительности, ее *наличное* бытие. Но, кроме того, в понятии может быть воспроизведено опосредованное, внутреннее бытие предметов, их сущность. Это определяет различие содержания «понимания», что приводит и к различным формам его выражения — к различию *эмпирического* и *теоретического мышления* как двух ступеней познания.

3. Особенности эмпирического мышления

В исторически ранние времена (в определенном плане и до сих пор) работа «чувств-теоретиков» и преобразование представлений как особый вид духовного производства были неразрывно связаны с материально-практической и социально-политической деятельностью людей. «Производство идей, представлений, сознания, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением их материальных действий» [15, стр. 29].

В этот начальный период познания возникают и оформляются в различных символических и знаковых системах (словесных и вещественных) сами представления, происходит первичная «идеализация» определенных сторон материальной жизни, и прежде всего тех, которые могут наблюдаться и констатироваться непосредственно в восприятии. Все это позволяет выделять и словесно обозначать новые классы предметов. На основе словесных обозначений общих представлений и прямых наблюдений человек может построить высказывание-суждение («это — камень», «это — дом», «эта маленькая серая зверюшка — заяц, он употребляется в пищу» и т. п.). Ряд таких частных суждений о каких-либо предметах может заменяться новым словом-наименованием, содержанием которого будет свернутое представление о предметах суждений. Следовательно, слова в сокращенном виде могут охватывать группу чувственно-воспринимаемых предметов (наличие такой функции у слов-сокращений отмечал, например, Ф. Энгельс [6, стр. 550]). С помощью общих представлений и производимых на их основе суждений человек может сделать довольно слож-

ные умозаключения. Например, опираясь на свой прошлый опыт, охотник может по следам, оставленным животными, заключить как о самом факте их пребывания здесь, так и об их количестве, времени события и т. п.

Таким образом, образование общих чувственных представлений, непосредственно вплетенных в практическую деятельность, создает условия для весьма сложной духовной деятельности, которую принято называть мышлением. Для него характерно образование и использование родовых слов-наименований, позволяющих придать чувственному опыту форму *абстрактной всеобщности*. Благодаря этой форме опыт можно обобщать в суждениях, использовать в умозаключениях. Такая всеобщность, основанная на принципе лишь абстрактного, формального тождества, является, как было показано в предыдущих главах, особенностью эмпирического мышления. Оно складывается у людей как превращенная и словесно выраженная форма деятельности «чувств-теоретиков», вплетенной в реальную жизнь. Это прямой дериват предметно-чувственной деятельности людей.

Поскольку в традиционной формальной логике всякую абстрактную всеобщность, выраженную в слове, принято называть «понятием» (на самом деле это лишь общее представление), то эмпирическое мышление протекает в таких «понятиях». При этом, как указывает Г. А. Курсанов, «первые формы понятийного мышления носят еще непосредственно эмпирический характер, имеют чувственно-образное выражение, хотя и получают уже свое необходимое словесное выражение» [179, стр. 30].

Здесь подчеркивается непосредственный характер эмпирического знания. Как справедливо отмечает Л. К. Науменко, «эмпирическое есть не только непосредственное знание действительности, но и, что более важно, знание *непосредственного* в действительности, а именно той ее стороны, которая выражается категорией бытия, наличного бытия, количества, качества, свойства, меры» [221, стр. 244]. Существование предмета во времени и пространстве во всей своей данности, в единичности наличного бытия и означает его непосредственность или внешность прежде всего в отношении самого себя. Это объективное *содержание*, выступающее перед отдельным человеком как непосредственное существование, определяет форму его отражения — *чувственность*. «Эмпи-

рическое познание есть движение в сфере этой внешности, освоение той стороны действительности, которая очерчивается категорией бытия» [221, стр. 245].

Большой интерес представляет одно положение В. И. Ленина, которое он сформулировал при материалистической интерпретации гегелевского текста, касающегося характеристики общего пути познания: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, — потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности *versus* явления, — причинности *etc.*» [17, стр. 301]. Превращение «мелькающих впечатлений» в «нечто» дает человеку знание качественно-количественной определенности чувственно-воспринимаемого предмета. «Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и *качество...*» [17, стр. 301]. Тождество и различие также доступны человеку в наглядно-образном плане. Наконец, даже такие сложные явления, которые характеризуются категориями противоположности и противоречия, могут быть схвачены средствами эмпирического мышления, в форме обычных представлений. «Обычное представление, — писал В. И. Ленин, — схватывает различие и противоречие...» [17, стр. 128].

Хотя эмпирическое мышление и движется в категориях наличного бытия, его познавательные возможности весьма широки. Оно обеспечивает людям большой простор в выделении и обозначении предметов и их отношений, в том числе и таких, которые в данный момент не наблюдаемы, а узнаются косвенным путем на основе умозаключений.

Способ получения и использования чувственных данных людьми, владеющими речью, мы обозначили как эмпирическое *мышление*. Но мышление — это рациональное познание. Следовательно, по отношению к деятельности общественного человека вообще нельзя применять категорию «чувственное познание» как отдельной и особой ступени, предшествующей «рациональному познанию». Познание обобществившегося человечества с самого начала приобретало рациональную форму. К этой точке зрения в настоящее время приходят многие советские философы. При этом важно подчеркнуть, что

фундаментом и источником всех знаний человека о действительности служат только ощущения и восприятия, чувственные данные. Но, как было показано выше, результаты деятельности «чувств-теоретиков» выражаются в словесной форме, несущей опыт других людей¹⁸. «Чувственное и рациональное, — пишет П. В. Копнин, — не две ступени в познании, а два момента, пронизывающие его во всех формах и на всех этапах развития... Единство чувственного и рационального в процессе познания означает не следование одного за другим, а неперенное участие того и другого в нашем познании... О чувственном познании как таковом у человека не может быть и речи» [170, стр. 177—178].

«Рациональность» чувственных данных выступает не только в том, что им придается общезначимая словесная форма (или форма суждения), но и в том, что отдельный человек, руководствуясь общественными потребностями, относительно бескорыстно, с позиций всего рода выделяет объективные свойства предметов, а также считается с мнениями и суждениями других людей. Умение же выделять себя из природы и среди других людей — это и есть собственно *сознание* общественного человека. При этом, как указывал В. И. Ленин, ступеньками такого выделения являются категории познания [17, стр. 85], в частности те, которые присущи эмпирическому мышлению.

4. Особенности теоретического мышления

Содержанием теоретического мышления служит бытие опосредствованное, рефлексированное, существенное. Такое мышление — это идеализация основной стороны предметно-практической деятельности, а именно воспроизводства в ней всеобщих форм вещей, их меры, их законов. Такое воспроизводство происходит в трудовой деятельности как своеобразном предметно-чувственном эксперименте. Затем такой эксперимент все более и более приобретает познавательный характер, позволяя лю-

---

¹⁸ В. И. Ленин выписал и положительно оценил («Очень верно и важно...») следующие места из работы Гегеля: «...Они (естествоиспытатели. — В. Д.) бессознательно преобразуют непосредственно виденное с помощью понятия... Так происходит со всяким словесным выражением восприятия и опыта; поскольку человек говорит, в его словах содержится понятие...» [17, стр. 236].

дям со временем переходить к мысленным экспериментам, к мысленному приданию предметам того или иного взаимодействия, определенной формы движения¹⁹.

В. С. Библер выделяет следующие основные особенности мысленного эксперимента: 1) предмет познания мысленно перемещается в такие условия, в которых его сущность может раскрыться с особой определенностью, 2) этот предмет становится объектом последующих мысленных трансформаций, 3) в этом же эксперименте мысленно формируется та среда, та система связей, в которую помещается этот предмет; если построение мысленного предмета еще и можно представить как простое «абстрагирование» свойств реального предмета, то этот третий момент по сути дела является продуктивным добавлением к мысленному предмету — лишь в этой особой среде и находит свое раскрытие его содержание [25, стр. 30], [34, стр. 200].

Эти особенности мысленного эксперимента составляют базу теоретического мышления, оперирующего научными понятиями. *Понятие* выступает здесь как такая форма мыслительной деятельности, посредством которой воспроизводится идеализованный предмет и система его связей, отражающих в своем единстве *всеобщность, сущность* движения материального объекта. Понятие одновременно выступает и как форма отражения материального объекта, и как средство его мысленного воспроизведения, построения, т. е. как особое мыслительное действие. Первый момент позволяет человеку сознавать в процессе мышления независимое от него существование объекта, который дан как предпосылка деятельности. Эта предпосылка придает понятию момент *пассивности*, созерцательности, зависимости от объективного содержания. И вместе с тем иметь понятие о данном объекте — это значит мысленно воспроизводить, строить

---

¹⁹ «Деятельность ученого, воплощающаяся в реальном эксперименте, в вещественных действиях, в приборах, в искусственно созданных ситуациях, в организации порядка опытов и т. д., здесь должна принять форму мысленного эксперимента, выражающегося в различного рода абстракциях, допущениях, отвлеченных иллюстрациях, в отборе материала наблюдения и т. д., причем все эти мысленные действия должны быть обоснованы путем умозаключений, ссылок на практические потребности и эмпирические данные» [125, стр. 259—260].

его²⁰. Такое действие построения и преобразования мысленного предмета является актом его понимания и объяснения, раскрытия его сущности²¹.

То обстоятельство, что «мыслить» — значит «действовать», было пронизательно отмечено, например, Кантом: «Мы не можем, — писал он, — мыслить линии, не *проводя* ее мысленно, не можем мыслить окружность, не *описывая* ее, не можем представить себе три измерения пространства, не *проводя* из одной точки трех перпендикулярных друг к другу линий...» [151, стр. 206]. Но мысленное «проведение», «описывание» и т. д. — это не что иное, как воспроизведение, построение предмета в идеальном плане.

Внутреннюю связь подлинного содержания понятия со способом его конструирования, идеализации отмечает, например, крупный финский математик Р. Неванлинна, который пишет следующее: «...Конструктивная и идеализирующая тенденция особенно четко развита в теоретических науках, прежде всего — в математике, где она сознательно возведена в ранг руководящего принципа» [222, стр. 21]. Эта тенденция обнаруживается, например, при переходе от видимого пространства к представляемому, который «происходит только частично путем процесса абстрагирования, т. е. исключения (с точки зрения геометрии), не имеющих значения деталей и качеств. В существенном этот переход обуславливается также конструктивным, можно сказать — продуктивным моментом. При описании происхождения понятий последнему обстоятельству в общем случае не уделяется достаточно внимания» [222, стр. 21]. Как видим, Р. Неванлинна специально выделяет в образовании понятия момент конструктивности, «дополнительной тенденции».

Специальный анализ способов построения научных абстракций, проведенный М. А. Розовым, показал, что

---

²⁰ «...Всякая сущность есть *правило* воспроизводства предмета, или, выражаясь гегелевским языком, *мера*» [45, стр. 35].

²¹ В. И. Ленин отметил как верное следующее положение Гегеля: «...Понять его [движение. — В. Д.] значит высказать его сущность в форме понятия». Выписав это положение, В. И. Ленин вновь повторяет его, но уже в обобщенном виде: «Понять значит выразить в форме понятий» [17, стр. 231]. Это положение, на наш взгляд, полностью сохраняет смысл и в следующей формулировке: выразить предмет в форме понятия — значит понять его сущность.

сам процесс абстрагирования состоит в выявлении *независимости* состояния или положения какого-либо рассматриваемого предмета от некоторых факторов. В результате этот исходный предмет мысленно замещается другим — его *моделью*, при дальнейшей работе с которой эти факторы уже не учитываются [274]. Иными словами, в результате абстрагирования получается новый идеализованный предмет, мысленно соотносимый с такими условиями, с которыми исходный объект не взаимодействовал. Построение такого нового предмета выступает как определенный способ деятельности — как абстрагирование, имеющее своим объектом взаимоотношение зависимости и независимости факторов, характеризующих существование реального объекта.

В духовном производстве, как и в материальном, есть свои средства воспроизведения предмета. При этом человек пользуется «хитростью» — свойства предметов он раскрывает и воссоздает через их отношения и связи друг с другом. Одна вещь становится средством воплощения свойств других вещей, выступая как их эталон и мера. Результат такого воплощения может быть представлен, например, в виде шкалы твердости или в изображении форм пространства. При этом свойства меры и эталона представляют не собственную природу, а природу других вещей, — мера и эталон оказываются их *символами*. Различные системы символов (вещественных, графических) являются средствами «эталонизации», а тем самым и идеализации материальных объектов, средствами перевода их в мысленный план. «Функциональное же существование символа, — пишет Э. В. Ильенков, — заключается именно в том, что он... является средством, орудием выявления сути других чувственно воспринимаемых вещей, т. е. их всеобщего...» [136, стр. 224]. Раскрытие и выражение в символах, опосредованного бытия вещей, их всеобщности есть переход к теоретическому воспроизведению действительности.

Необходимо иметь в виду, что символы, выражающие всеобщее в объектах, сами являются формами человеческой деятельности. Поэтому, если отдельный человек (а не общество в целом) использует символы и эталоны в практическом действии с целью получения какой-либо частной вещи, относящейся к данной всеобщности, то ее идеализованная форма (понятие) в плане временной

последовательности будет первичнее реальной, чувственной, частной вещи.

Это важнейшее положение обычно иллюстрируют замечательным определением сущности круга, данным Спинозой. Воспользуемся и мы этим примером. Сущность круга Спиноза усматривал в акте его возникновения, построения («творения»). Ее определение должно выражать причину *возникновения* данной вещи, *метод* ее построения. «...Круг по этому правилу, — пишет Спиноза, — нужно определить так: это фигура, описываемая какой-либо линией, один конец которой закреплен, а другой подвижен» [298а, стр. 352]. Здесь дан метод получения любых и бесконечно разнообразных кругов. Кстати, как справедливо отмечено Ю. М. Бородаем, здесь «Спиноза дает не что иное, как *описание конструкции и способа действия, простейшего орудия труда — циркуля*» [45, стр. 97]. Иными словами, в форме понятия круга дана буквальная идеализация схемы деятельности построения предмета в его существенных, всеобщих характеристиках²².

Как обстоятельно показано Ю. М. Бородаем [45], Кант в своем учении о продуктивном воображении ввел понятие «схемы» для обозначения всеобщего представления (чувственного понятия) о *методе построения* всякого эмпирического образа²³. Эта схема, будучи однажды созданной, становится прообразом, масштабом оценки чувственных вещей. Например, такие схемы, как «килограмм», «окружность», «стол», выступают средством выделения и сопоставления реальных вещей. Согласно Канту, первоначальное образование схемы — это акт *продуктивного воображения*, как коренной способности человеческого духа. Ее развитие, по Канту, позволяет человеку создавать схемы не только «сотворенных» им вещей (вроде «окружности», «дома»), но и вещей природных, так

---

²² Нетрудно заметить, что пример определения круга Спинозой имеет тот же смысл, что и приведенный выше пример Энгельса о доказательстве причинной связи солнечных лучей и теплоты через практическое действие, использующее такое орудие, как вогнутое зеркало. В обоих случаях всеобщий, необходимый характер события доказывается его реальным воспроизведением, построением в предметной деятельности.

²³ Согласно кантовскому учению, пишет Ю. М. Бородай, «всякое предметное всеобщее понятие есть не просто фантом, оно — схема (метод) производства и воспроизводства предмета» [45, стр. 100].

как воображение начинает действовать как всеобщий принцип связи любых чувственных данных²⁴.

Конечно, воображение имеет существенное значение для формирования «всеобщих представлений», схемы-прообраза. Но Кант превращал эту способность в имманентную «силу» духа. На самом деле, как было показано выше, подлинным актом выделения и воспроизведения всеобщего является предметно-практическое действие с реальным орудием труда. В представлении всеобщее выступает как отраженное, идеализованное от предметного способа деятельности. Но само построение образа осуществляется лишь благодаря развитой способности воображения. В указании его роли при построении понятия Кант был прав.

Исторически сложившиеся в обществе понятия объективно существуют в формах деятельности человека и в ее результатах — в целесообразно созданных предметах [103, стр. 310]. Отдельные люди (и прежде всего дети) принимают и осваивают их раньше, чем научаются действовать с их частными эмпирическими проявлениями. Индивид должен действовать и производить вещи согласно тем понятиям, которые как нормы имеются в обществе заранее, — и он их не создает, а принимает, присваивает. Лишь тогда он ведет себя с вещами по-человечески. «Общее» как форма и норма деятельности для индивидов выступает в обучении как первичное по отношению к приобщаемым к нему частным явлениям. Это «общее» — прообраз, мера, масштаб для оценки эмпирически встречающихся вещей. Иными словами, индивид не имеет перед собой некоторую «неосвоенную натуру», природу, оперируя с которой он должен образовать понятия, — они уже задаются ему как кристаллизованный и идеализованный, исторически сложившийся опыт людей. Но это «общее», естественно, выступает как вторичное образование в отношении совокупной производительной деятельности всего обобществившегося человечества.

---

²⁴ У Канта дана следующая характеристика схемы понятия о *собаке*: «Понятие собаки обозначает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом, данным мне в опыте, или же каким бы то ни было возможным образом *in concreto*» [151, стр. 223].